

К вопросу об О'Генри

Никакого вопроса об О'Генри, собственно говоря, не существует. В нем нет нужды. Творчество этого хорошо известного писателя отличается большой ясностью и не располагает к глубокомыслию. Тем не менее, мы в шутку даем своей статье это название, с той профилактической целью, чтобы затруднить появление статьи, которая называлась бы так всерьез.

Опасность эта вполне реальна. Прочитав в «Литературном обозрении» (№ 16) статью, посвященную 75-летию со дня рождения О'Генри (подписанную инициалами Н. Ч.), мы узнали, во-первых, что этот писатель «органически связан с жизнью городской и сельской бедноты, задавленного нуждой и горем трудового люда», во-вторых, что рассказы этого писателя были «горячей проповедью морали», причем эта мораль «совсем нередко оказывается революционной» и, в-третьих, что основную тенденцию творчества О'Генри нужно видеть «в разоблачении буржуазного индивидуализма» (разрядка не наша! А. С.)

Итак О'Генри объявлен народным писателем. За последнее время у некоторых критиков вошло в привычку обнаруживать народность в любой книге, с которой их сводит судьба, но это открытие кажется нам одним из наиболее фантастических. Липо, произведшее это открытие, находится в полемическом азарте, рассыпает упреки по адресу всех тех, кто где-либо и когда-либо обвинял О'Генри в безыдейности, антиреалистичности, мещанстве, словом, уже обрисовываются мрачные контуры предчувствуемой нами тезки нашей статьи.

Мы должны сразу сказать, что вовсе не собираемся «уничтожать» О'Генри. Мы полностью признаем достоинства этого писателя, его выдающийся талант рассказчика-юмориста, мастерскую технику его новелл, сатирические блестящие бытовых характеристик и зарисовок. Мы принадлежим к числу поклонников его остроумной повести «Короли и капуста» и перечитываем ее с удовольствием.

К сожалению, эти очевидные достоинства О'Генри не привлекают внимания автора раз-

бираемой статьи. Твердо решив загримировать О'Генри под «печальника горя народного», он, как это ни странно, даже не упоминает, что основное творчество О'Генри — юмористика. Автор упирает изо всех сил на «высокую мораль» О'Генри и якобы антикапиталистическую направленность его рассказов.

По этим вопросам мы имеем определенное суждение и без обиняков его выскажем.

Самым значительным моральным фактом, характеризующим личность и творчество О'Генри, является фальсификация жизни, которой он занимался по причине прищипленности буржуазным строем, отчасти личной склонности. Эта фальсификация выражалась в том, что, будучи хорошо знаком с самыми темными сторонами американской жизни, наблюдая годами неслыханное надругательство над человеком, О'Генри не только отказывался писать на эти темы, но сознательно их затушевывал, подменял их, создавая в своих рассказах их фальшивые дубликаты — слащавые, вздорные, казенно-оптимистические. Рассказы О'Генри и их бесчисленные варианты, принадлежавшие его ученикам и подражателям, печатавшиеся гигантскими тиражами в воскресных номерах больших буржуазных газет, были, по мнению прогрессивных историков американской культуры, подлинным социальным бедствием.

О'Генри — один из предшественников пресловутого американского «чтива», явления глубоко антинародного, отвратительнейшего порождения «духовной культуры» капитализма.

Все сказанное несколько не противоречит тому, что О'Генри охотно берет своими героями «маленьких людей»: городскую богему, лавочников, клерков, ковбоев, бродяг. Больше того, он очень часто проявляет к ним сочувствие и даже роняет одну-две глицериновых слезы. В Америке буржуазная цивилизация, как известно, неохотно расстается с демократическими одеждами. Кроме того, О'Генри вовсе не был извергом. Это был в известном смысле доброжелательный, однако проникнутый буржуазно-мещанскими предрассудками

«слабовольный и не очень честный литератор, каких на Западе и сейчас мы видим не мало.

Кое-что из указанного, повидимому, известно и автору разбираемой статьи, ибо он пишет: «Верно, конечно, что существа капиталистического мира Генри не видит и видеть не хочет». Казалось бы, на этом мы могли бы столкнуться с нашим оппонентом. Но нет. Дальше идет: «Тем не менее...» и следует внушительный историко-литературный аргумент, имеющий целью реабилитировать О'Генри, так сказать, в мировом масштабе. Оказывается, что «пишущие о безыдейности Генри забывают, что Генри вошел в литературу, когда вся «большая» литература Европы и отчасти Америки щеголяла безверием, скепсисом, нравственным нигилизмом, когда «хороший тон» требовал издевки над всеми решительно моральными принципами и даже над самой проблемой морали. Творчество Генри, в противовес этой пораженческой буржуазной литературе, было горячей проповедью морали».

Все это неверно от первого слова до последнего. Прежде всего О'Генри не мог служить «противовесом» никакому разложению и пораженчеству, ибо сам давал яркий пример пораженчества и разложения. Во-вторых, представлять европейскую литературу девятисотых годов — литературу, в которой участвовали Максим Горький, поздний Толстой, Ромэн Роллан, Бернард Шоу, Анатоль Франс — как повально декадентскую, значит погрешать против очевидной истины. В-третьих, автору, берущемуся писать об американском писателе, не мешает знать, что в эти годы в литературе США шла ожесточенная борьба за социально насыщенное, реалистическое и народное искусство, возглавлявшаяся Стивеном Крейном, Фрэнком Норрисом, Теодором Драйзером и направленная против литературного лагеря, одним из светил которого был... О'Генри.

Вот кому служил «противовесом» этот писатель.

Поскольку автор разбираемой статьи, видимо, интересуется вопросами морали, можно добавить, что произведения названных американских писателей-реалистов подвергались гонениям, как а н т и м о р а л ь н ы е. Драйзера после «Сестры Керри» буквально затравили. Изображение классовых противоречий было с точки зрения американской буржуазии проявлением крайнего имморализма. Очевидно, суждения о том, что морально и что нет — могут быть различные. О'Генри почитался в этой обстановке одним из столпов морали, — это

утверждали многие его хвалители; но, сколько нам известно, никому еще не приходила мысль, что кисло-сладкая буржуазно-христианская мораль его рассказов «совсем нередко оказывается революционной». Это вполне оригинальное открытие.

Мы, вероятно, предали бы забвению эту странную историю с возведением О'Генри в народные писатели и не стали бы привлекать к ней излишнее внимание, если бы не прочли, немного спустя, в том же журнале (№ 21) другую статью, до крайности ей родственную. Это — рецензия на книгу Джека Лондона «Хват Беллью» (автор П. Балашов).

Повесть Лондона «Хват Беллью» относится к разряду так называемой «приключенческой беллетристики». Лондон фабриковал такие книги наспех для печати Херста. О художественных достоинствах всех этих «Хватов Беллью», «Маленьких хозяек большого дома» и т. п. всерьез говорить не приходится. Для «Хвата Беллью» Лондон использовал свои замечательные северные рассказы, и всякий, кто сравнит эти рассказы с соответствующими эпизодами книги о Хвате Беллью, убедится, что сам писатель относился к своей «халтуре» весьма непочтительно.

«Герой» этой книги ничем особенным не отличается от «героев» других подобных книг. Он двухмерен, неправдоподобен и наделен всеми дарами Фортуны. Он приезжает в Аляску городским белоручкой, быстро перегоняет в отваге и выносливости всех опытнейших старожилков, находит золото, куда ни сунется, ловко выигрывает в рулетку сто тысяч долларов, совершает ряд увлекательных подвигов и завоевывает любовь самой красивой и неприступной девушки в стране. Один эпизод нам особенно врезался в память. Хват Беллью в пустынейшем месте Аляски висит над пропастью на ременной веревке. Его друг, удерживающий его наверху, теряет равновесие и скользит по льду к краю пропасти. Хват в порыве самопожертвования выхватывает нож, обрезает веревку и падает. По счастливой случайности он благополучно «приземляется» в глубоком талом снегу на выступе скалы. Приунывший Хват обдумывает, что предпринять дальше, как вдруг слышит мелодичный женский голос. Оказывается, его любимая девушка, которую он не видел уже много месяцев, случайно проходила со своим папашей мимо, и вот она бросает ему спасательную веревку...

Словом, эта книга достойна той американской «культуры», которая нашла свое яркое выражение в пресловутых голливудских «боевиках».

Мы были немало удивлены, когда увидели, что автор рецензии начинает «по всей форме» анализировать этого Хвата Беллью. Он тщательно прослеживает эволюцию Хвата, физическую и духовную, затем приступает к «вскрытию» его «социального содержания».

Дальше оправдываются самые худшие наши ожидания. Автор рецензии П. Балашов приходит к выводу, что «хотя он и не знает ничего о дальнейшей судьбе Беллью», он полагает, что Хват Беллью по всему характеру своего развития должен «примкнуть к социализму». Он добавляет, что из таких Хватов Беллью могут выйти «народные герои, борцы против социального угнетения, революционеры». Неужели автор рецензии не понял, что этот пленивший его персонаж сделан из обыкновенного картона и ни на какие человеческие действия вообще не способен?

Хват Беллью в роли народного героя и революционера — это, пожалуй, зрелище более смешное (или более грустное — смотря как взглянуть), чем ковбой из рассказов О'Генри в качестве носителей революционной морали.

Одно из своих соображений по поводу социальной эволюции «героя» автор рецензии формулирует таким образом: «Здесь уже намечается социальный конфликт, который потом будет развернут Джеком Лондоном с большой силой в «Железной пяте».

Из этой фразы следует заключить, что автор рецензии не знает, что «Железная пята» была написана много раньше книги о Хвате Беллью. Он, очевидно, предположил, что «Хват Беллью» относится к раннему творчеству Лондона и поему сделал попытку «обнаружить» в Хвате Беллью зачатки лондонского социализма. Ничего хорошего из этого, разумеется, не получилось. На самом деле «Хват Беллью» относится к последним годам жизни Джека Лондона, когда он фактически порвал с социализмом и быстро деградировал как писатель.

Следовательно, здесь мы наблюдаем не «концепцию», а просто обоюдное легкомыслие автора и редактора. Это отчасти утешительно, ибо нам таким образом не угрожает сугубо теоретическая статья «К вопросу о Смоке Беллью», в которой от нас потребовали бы признания народными героями всех персонажей Майн-Рида до Всадника без головы включительно. Все же легкомыслие должно иметь предел. В начале рецензии о «Хвате Беллью» приводятся несколько строк из статьи Н. К. Крупской «Что нравилось Ильичу из художественной литературы», касающиеся Лондона:

«За два дня до его (Владимира Ильича) смерти читала я ему вечером рассказ Джека Лондона — он и сейчас лежит на еголе в его комнате — «Любовь к жизни». Сильная очень вещь. Через снежную пустыню, в которой нога человеческая не ступала, пробирается к пристани большой реки умирающий с голоду больной человек. Слабеют у него силы, он не идет, а ползет, а рядом с ним ползет тоже умирающий от голода волк, идет между ними борьба, человек побеждает, — полумертвый полубезумный добирается до цели. Ильичу рассказ этот понравился чрезвычайно».

Здесь приведенная цитата кончается. Приведена она в поддержку безоговорочно высокой оценки Лондона.

Между тем в статье Надежды Константиновны Крупской отзыв о Лондоне на этом не кончается. Дальше идут такие строки:

«На другой день Ильич просил читать рассказы Лондона дальше. Но у Джека Лондона сильные вещи перемешиваются с чрезвычайно слабыми. Следующий рассказ попался совершенно другого типа — пропитанный буржуазной моралью: какой-то капитан обещал владельцу корабля, нагруженного хлебом, выгодно сбыть его; он жертвует жизнью, чтобы только сдержать свое слово. Засмеялся Ильич и махнул рукой».

Прежде всего, расправа журнала с цитатой — безобразие. Речь идет о ленинских вкусах и оценках: никакие махинации, ужатия и сокращения здесь не могут быть позволены. Во-вторых, то, что в сборнике рассказов Лондона, о котором рассказывает Н. К. Крупская, или подряд два противоположных по качеству рассказа, было делом случая, но в результате мы имеем оценку и черпывающего характера. Действительно, весь Джек Лондон в этом противоречивом сочетании разнородных элементов: близкой нам героики, пафоса борьбы с природой и человеческого мужества и чуждых нам буржуазно-индивидуалистических мотивов.

Мы думаем, что напечатать целиком цитату из статьи Н. К. Крупской было бы в тысячу раз полезней, чем обсуждать проблематические возможности Хвата Беллью, в качестве «народного героя и революционера».

И кому вообще нужно, чтобы в персонажах О'Генри и Джека Лондона была всеми правдами и неправдами «обнаружена» народность? Нужно категорически осудить безответственность в отношении важнейшей проблемы народности в литературе, любые попытки навязывать народу разную писанину, зачастую — чуждый и враждебный хлам!